

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Жиронкина Е. С. Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов» / Е. С. Жиронкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 278—295. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-278-295.

Zhironkina, E. S. (2025). Receptive Strategy of Martin Amis's Novel "The Zone of Interest". *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 278-295. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-278-295. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов»

Жиронкина Евгения Сергеевна
orchid.org/0000-0002-2346-9368
кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
научно-исследовательского института
русской культуры
pastorjoseph@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Receptive Strategy of Martin Amis's Novel "The Zone of Interest"

Evgeniya S. Zhironkina
orchid.org/0000-0002-2346-9368
PhD in Philology,
junior research scientist,
Scientific Research Institute
of Russian Culture
pastorjoseph@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению рецептивного потенциала романа М. Эмиса «Зона интересов» и выявлению стратегий воздействия на читателя. Актуальность исследования обусловлена смещением в современной художественной прозе фокуса на фигуру военного преступника и интересом современной науки к коммуникативным стратегиям, активизирующим читательское сознание. Цель работы — описать рецептивную стратегию произведения и выявить механизмы вовлечения читателя в конструирование смысла произведения. В качестве материала используется роман «Зона интересов», повествование которого ведётся от лица трёх участников концлагерной системы: коменданта, рядового служащего и члена зондеркоманды. Применяется методология повествовательной прагматики и нарративный анализ. Представлены результаты комплексного анализа композиционной, субъектной и объектной организации текста. Показано, что циклическая структура, полифонический нарратив и изображение нравственной и языковой деформации героев-нарраторов формируют стратегию, провоцирующую читателя выстраивать собственную интерпретацию событий. Автор приходит к выводу о том, что рецептивная стратегия романа выступает инструментом сложного этико-эстетического воздействия. Подчеркивается, что закодированная в произведении эмоциональная отстранённость нарраторов способствует переосмыслению понятий вины, жертвенности и ответственности.

Ключевые слова:

рецептивная стратегия; повествовательная прагматика; герой-нарратор; романы о Холоксте; М. Эмис; *Зона интересов*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the receptive potential of Martin Amis's novel "The Zone of Interest" and identifies the narrative strategies it employs to engage the reader. The study's relevance stems from a discernible shift in contemporary fiction toward focusing on the figure of the war criminal, coupled with ongoing scholarly interest in communicative strategies that activate the reader's consciousness. The primary aim of this research is to delineate the work's receptive strategy and to uncover the mechanisms through which the reader is drawn into the co-construction of the text's meaning. The analysis focuses on "The Zone of Interest", a novel related from the perspectives of three participants in the concentration camp system: the commandant, an ordinary officer, and a member of the Sonderkommando. Employing the methodologies of narrative pragmatics and narrative analysis, the study presents the findings of a comprehensive examination of the text's compositional, subject, and object organization. It is demonstrated that the novel's cyclical structure, polyphonic narrative, and depiction of the narrators' moral and linguistic deformation collectively form a strategy that provokes the reader to construct their own interpretation of the events. The author concludes that the novel's receptive strategy serves as a vehicle for a complex ethical and aesthetic impact. It is emphasized that the emotional detachment encoded in the narrators' accounts fosters a profound re-evaluation of the concepts of guilt, victimhood, and responsibility.

Key words:

receptive strategy; narrative pragmatics; narrator-character; Holocaust novels; Martin Amis; *The Zone of Interest*.

Рецептивная стратегия романа М. Эмиса «Зона интересов»

© Жиронкина Е. С., 2025

1. Введение = Introduction

Новейшая проза, посвященная тематике Холокоста, характеризуется изменением объектного фокуса: повествование все чаще оказывается сосредоточенным вокруг фигуры военного преступника или человека-в-системе. Попытки осмыслить деструктивное прошлое XX века с позиции не только жертвы, но и агрессора связано с феноменом постпамяти, которую М. Хирш определяет как структуру «меж- и транспоколенческого возвращения травматического знания и воплощенного опыта» [Хирш, 2021, с. 23]. Следствием данной тенденции становится свидетельствование потомков, предпринимающих попытки выстроить собственное, опосредованное временной дистанцией понимание травматического прошлого предков. Именно поэтому авторы новейшей прозы о Холокосте поднимают в своих произведениях вопросы вины, ответственности, самоопределения преступника.

В таких романах, как «Лесной царь» (1970) М. Турнье, «Благовоительницы» (2006) Дж. Литтелла, «НННН» (2010) Л. Бине, «Зона интересов» (2014) М. Эмиса предпринимаются попытки не только осмыслить мотивацию и путь становления нацистских офицеров и рядовых исполнителей, работающих на СС, но и пригласить читателя к со-участию в данном осмыслении в качестве активного субъекта. Как следствие, писатели «второго» и «третьего» послевоенных поколений ищут новые способы разговора с читателем о травматических событиях войны.

Вопрос о рецептивных компетенциях читателя становится одним из центральных в исследовании художественных репрезентаций геноцида [Aarons et al., 2017; Thorsten, 2021]. Анализируя произведения конца XX — начала XXI веков, авторы научных работ описывают коммуникативные задачи прозы о Холокосте. К примеру, исследователи замечают, что реципиенту вменяется противостояние идеям дегуманизации и «анимализации евреев» [Duffy, 2024, с. 244], осознание того, что «жизнь в концлагере оз-

начала полный разрыв с системами ценностей, которых они (жертвы геноцида. — *Е. Ж.*) обычно придерживались» [Siertsema, 2022, с. 92] (здесь и далее перевод наш. — *Е. Ж.*). Изучение данных коммуникативных задач и способов их достижения в художественном тексте — одна из основных проблем современной филологической науки.

Степень разработанности вышеобозначенной проблемы невысока, несмотря на активный исследовательский интерес к вопросам коммуникативного потенциала литературы. Так, в отечественном литературоведении рассматриваются стратегии вовлечения читателя в конструирование смысла произведения [Богданова и др., 2014], особенности воздействия на адресата «Я»-нарратива [Шуников, 2007]. В нашей работе [Жиронкина, 2024] предложен инструмент анализа механизмов воздействия художественного текста на читателя — рецептивная стратегия.

Рецептивный потенциал романа М. Эмиса «Зона интересов» на данный момент исследован недостаточно. Ученые-литературоведы определили основные принципы творчества Эмиса, такие как «нарастающую энтропию, приводящую к катастрофе» [Марданов, 2014]. Исследования нарратива [Seraf, 2015] и проблематики романа, такой как осмысление «серой зоны коллаборационизма» [Badrideen, 2018, с. 311], позволили описать художественную специфику романа. Так, С. Камю замечает одну из ключевых особенностей повествования: она состоит в том, что «ужас лагерей не поддаётся нарративизации, а процесс уничтожения остаётся на заднем плане» [Camus, 2024]. Однако комплексный анализ «Зоны интересов» с точки зрения рецептивной стратегии предпринимается впервые. Он позволит изучить поэтику романа, а именно его субъектную, объектную и композиционную организацию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучению коммуникативного и рецептивного потенциала художественных текстов посвящён прагматический подход в литературоведении. Зародившийся в западной науке под влиянием лингвопрагматики, он провозгласил ориентацию на реципиента, фокус на изменение читательского сознания средствами литературы [Mey, 2011; Locher et al., 2021]. Российские учёные развивали идеи, связанные с рецептивными компетенциями читателя. Так, В. И. Тюпа выдвигает понятие «этос наррации» — «ценностно-смысловую позицию, которую субъект, воспринимающий историю, вынужден занять, оставаясь участником данного коммуникативного события рассказывания» [Тюпа, 2015, с. 16]. А. В. Корчинский отмечает, что нарратив произведения выступает как поле коммуникативного действия, ориентированного на активного субъекта [Корчинский, 2019]. Для

выявления читательских ожиданий и их трансформации исследователи анализируют произведения с точки зрения рецептивной стратегии — системы «внутритекстовых требований, нацеленных не просто на воздействие на читательское сознание, но на испытание традиционных «параметров» миропонимания читателя с целью формирования нового взгляда на предмет повествования» [Жиронкина, 2024, с. 48]. Именно рецептивная стратегия как совокупность приёмов, которые активизируют как творческие, так и мировоззренческие компетенции читателя, и будет центральным инструментом нашего исследования. Она позволяет выявить способы приобщения читателя к практике смыслотворчества и обозначить коммуникативные задачи новейших произведений о Холокосте.

В качестве материала исследования выступает роман М. Эмиса «Зона интересов» (2014), события которого сосредоточены вокруг деятельности нацистских чиновников, причастных к истреблению еврейского народа. Автор предлагает три точки зрения на происходящее в концлагере, каждая из которых принадлежит служащему лагерной системы. Данная субъектная организация примечательна не только самим фактом передачи слова палачу, но выстраиванием системы голосов, организующей так называемый «нормализующий» насилие дискурс и требующей от читателя противостоять ему.

Цель настоящей работы — описать рецептивную стратегию романа Эмиса и объяснить, каким образом она создаёт условия для этического и эмоционального вовлечения читателя. Анализ текста с точки зрения его рецептивной стратегии позволяет выявить авторские интенции, которые направляют сознание читателя, предлагают ему нетипичный опыт и подталкивают к мировоззренческим изменениям. Для исследования произведения используются нарративный анализ и методология повествовательной прагматики: именно в рамках данного подхода наиболее применим рассматриваемый инструментарий.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

События романа «Зона интересов» посвящены концлагерной жизни надзирателей и заключённых и излагаются с точки зрения служащего Ангелюса Томсена, коменданта Пауля Долля и члена зондеркоманды Шмюлека Захариаса. В фокусе каждого из нарраторов находятся преимущественно одинаковые события, объекты и персонажи. Истории нарраторов перекликаются, взаимно дополняя и опровергая друг друга, создавая условия для читательского самоопределения.

Для полного описания рецептивного потенциала романа мы рассмотрим три уровня его организации: композиционный, субъектный и объектный.

3.1. Композиция романа как компонент рецептивной стратегии

Роман «Зона интересов» состоит из семи частей, шесть из которых построены в форме чередующихся монологов трёх рассказчиков. В данной трёхчастной структуре первым говорит Томсен, его сменяет Долль. Замыкает каждую часть (кроме последней) рассказ еврея Шмуля.

Названия глав построены по одной модели: каждое наименование содержит имя рассказчика и ключевую тему его повествования. Так, в первой части произведения читателю представляют устройство концлагеря и роли каждого из героев-нарраторов. Первая глава имеет наименование «Томсен: Первый взгляд». Нарратор Ангелиус Томсен повествует о том, как он впервые увидел жену коменданта Ханну Долль, фрагментарно останавливается на устройстве лагеря, описывает служащих: Ильзу Грезе, Пауля Долля, своего друга Бориса, влюблённого в заключённую Эстер. Это обеспечивает поверхностное знакомство читателя с лагерной системой и её участниками. Во второй главе «Долль: Селекция» речь идёт об организации доставки заключённых в концлагерь и отправлении партии узников на смерть. Об этом рассказывает комендант и организатор — Пауль Долль. Глава «Шмюль: Зондер» погружает читателя в обыденность Шмуля (Шмюлека) Захариаса, вынужденного работать в зондеркоманде и отправляющего на смерть заключённых.

По аналогичному алгоритму построены остальные части и главы. Повторы повествовательных циклов создают ритм, в котором каждая новая тройка глав углубляет для читателя знания о происходящем в концлагере и показывает события под другим углом. Формула названий «Имя рассказчика + тема» также подчёркивает персонализацию дискурса. Читатель знает заранее, чья оптика будет представлена в тексте, а также ответ на какой вопрос он получит. К примеру, название главы «Шмюль: День молчаливых мальчиков» подсказывает читателю, что герой-нарратор расскажет о событии, которое не даёт ему покоя всё время пребывания в лагере.

Последняя часть романа — «Послевкусие» — отступает от описанного алгоритма. Она также имеет трёхчастную структуру и содержит ключ к пониманию историй заключённых концлагеря, но каждая глава написана от лица Томсена. Они имеют следующие названия: «Эстер: Ушедшая в воспоминания», «Герда: Конец национал-социализма» и «Ханна: Зона интересов». Завершение романа историями женщин, каждая из которых была представительницей привилегированной или угнетаемой стороны, но пострадавшая от деятельности национал-социализма, подчеркивает разрушительность гитлеровской идеологии для всех, кто оказывается охваченным ею.

Циклическая композиция организует рецептивную стратегию романа, делая чтение непрерывным актом моральной работы. Вследствие сменя-

ющих друг друга рассказов читатель принужден постоянно осмыслять и переосмыслять события. В основе рецептивной стратегии романа стоит задача сделать читателя не просто свидетелем, но внутренним участником морального конфликта. С этой же целью автор выстраивает специфический нарратив романа, о нём — далее.

3.2. Субъектная организация как способ рецептивного воздействия

Характерной чертой романа является его полифоничность. Повествовательную структуру «Зоны интересов» организуют голоса трёх рассказчиков.

— Ангелюса Томсена, молодого служащего концлагеря Кат-Зет, влюблённого в жену коменданта.

— Пауля Долля, коменданта, организатора концлагерных работ, «селекции» и уничтожения узников.

— Шмулека Захариаса, еврея и члена зондеркоманды, пытающегося сохранить свои воспоминания о происходящем в лагере.

В фокусе каждого нарратора оказываются похожие события, персонажи и явления, но в силу разницы положений, характеров и взглядов рассказчиков их точки зрения различны, так же как и речевая организация каждого повествования.

Так, Ангелюс Томсен — сын состоятельных родителей и племянник Мартина Бормана. Немногочисленное количество обязанностей оставляет ему простор для социальной жизни, потому его повествование часто состоит из диалогов с Борисом, Ханной, другими героями, а также из отвлечённых размышлений. Во время волнующих событий его стиль речи отличается художественной выразительностью. Например, во время встречи с Ханной Долль он слышит отголоски оркестра, заглушающего крики узников: «Последнее слово еще слетало с кончика ее языка, когда мы услышали нечто, нечто принесенное ветром... Беспомощный, дрожащий аккорд, фуговое созвучие человеческого ужаса и смятения» [Эмис, 2016, с. 27]. Он уделяет значительное внимание внешности: своей и других персонажей, обращая внимание читателя на значимые детали. Так, описывая жену коменданта, он подчёркивает дуализм её облика: «Ханна Долль отвечала национальному идеалу молодой женщины — спокойной, деревенского обличия, созданной для деторождения и тяжелой работы <...> Сейчас ... я обнаружил в ней черты более южные, ... да и глаза у нее были непатриотичными...» [Там же, с. 21].

В ходе событий романа Томсен меняется, а вместе с ним — его речь. В повествовании героя-нарратора активно внедряется ирония. Так, рассказывая о выступлении Долля в годовщину Пивного путча, он совмещает собственное отношение к произошедшему и отрывки речи коменданта.

Томсен сообщает: «В тот день около девятнадцати сотен отборных пусто-мель и бездельников, психопатов и бандитов, озлобленных ополченцев <...> собрались внутри пивного зала» [Там же, с. 209]. Сразу после он передаёт монолог Долля: «— Они вышли на улицу, — продолжал витийствовать Долль, — серьёзные и весёлые, люди железной воли, но с лёгкостью на сердце...» [Там же, с. 209]. Контраст между их восприятием создаёт комический эффект, подталкивая читателя к обесцениванию как Долля, так и его авторитетов.

Погружённый в лагерную систему, он не испытывает сочувствия к заключенным, но критикует идеологию, когда возникает риск краха Германии. Речь Томсена становится более резкой от главы к главе: он начинает выражать свое восприятие решений и философии национал-социализма. Так, он высмеивает популярную у партийной верхушки теорию космического льда, а сотрудников Анненербе описывает следующим образом: «Физиономии у этих патентованных арийцев были ублюдошные, да и сами они казались выдуманными ублюдошным разумом — пучеглазые, с торчащими из обвислых ртов зубами» [Там же, с. 342].

Циничные монологи Томсена, раскрывающие функционирование лагерной системы изнутри, разоблачают национал-социализм. Сарказм и самоирония выступают средством защиты от вины и способом выразить разочарование в системе, в которую он был вовлечен. Только после обвинений в предательстве и опыта пребывания в лагере в качестве заключенного, а также участия в работе по выплате репараций из речи Томсена пропадает ирония. В последней части романа он рассказывает о судьбе сотрудников Кат-Зет и женщин, жизнь которых была связана с лагерем.

Следовательно, речь Томсена претерпевает постоянную деформацию: экспрессивную, цинико-ироническую, — преобразуясь в финале в сдержанный монолог. Речь нарратора размывает границы между нормой и преступлением, что передаёт право оценки событий читателю.

Совершенно иное речевое поведение демонстрирует герой-нарратор Пауль Долль. О своей работе он говорит сухим языком фактов и цифр. Как отмечает А. А. Марданов, в образе Долля «Эмис критикует несостоятельность рациональных парадигм мышления, доведённых до степени абсурда и приведших к катастрофическим событиям...» [Марданов, 2016, с. 79].

Речь коменданта насыщена эвфемизмами и бюрократическими клише («обработка», «материал», «загрузка»). Он точен в числах и подсчётах, даже в незначительных вещах: «Я проглотил 2 таблетки аспирина (650 мг; 20.43), а на ночь несомненно придется принять “фанодорм”» [Эмис, 2016, с. 34]. Долль подчёркнуто структурирует свою речь: «Кроме того, я вызвал а) старшую надзирательницу Грезе и ее взвод (Грезе восхитительно тверда

в обращении с норовистыми бабами) и б) наш нынешний “оркестр”» [Там же, с. 36]. Такая речевая особенность подчёркивает, что личностная деформация вследствие преступлений против человечества охватывает всё естество палача: от поступков и образа мышления до способов коммуникации.

Долль обращается к читателю, пытаясь нормализовать насилие. К примеру, говоря о процессе отбора заключённых для работ, он заключает: «Вот посмотрите. Этот 30-летний самец широк в груди, верно, но колченог. Эта дюжая девка, несомненно, пышет здоровьем, но она же беременна» [Там же, с. 38]. Нормализация преступления также достигается обесцениванием реакции жертв: «Для меня это зрелище не менее привычно, чем весенний дождь или осенняя листва, всего-навсего натуральные дневные отходы КЦЛ 1, перевозимые в КЦЛ 2. Но, разумеется, наши парижане визгливо завопили в голос» [Там же, с. 42].

Язык Долля не только сух, но и вульгаризован: он использует бранную лексику, описывает физиологические процессы — свои и своей жены. Так, он подчёркивает, что оркестр, который он позвал на селекцию: «не обычное дерьмо с банджо, аккордеонами и дудками, но септет 1-классных скрипачей из Инсбрука» [Там же, с. 36]. Надзиратель лишен чувства юмора, но доволен своими каламбурами. Так, говоря про Томсена, он коверкает известное выражение: «А некоторые — некоторые рождаются с серебряной... Да, вот это смешно. Я намеревался использовать расхожую фразу, однако моя голова родила намного лучшую» [Там же, с. 104].

Использование сухого и псевдотехнического языка, подмена прямых наименований эвфемизмами, а также погружение читателя в организационные процессы геноцида призваны производить на читателя эффект нормализации происходящего. Нарратив Долля создаёт моральную дистанцию между реальным преступлением и тем, как оно описывается, внушая читателю отчуждение. Однако присутствие других голосов подталкивает реципиента противостоять данной дистанции: разоблачить, как язык может маскировать зло и нормализовать катастрофу, и интуитивно восстановить правду.

Повествование третьего рассказчика, Шмуля, занимает гораздо меньше объёма, чем предыдущих двух. Во многом это связано с тем, что, как становится известно из финального монолога героя-нарратора, он записывает свои воспоминания и прячет обрывки бумаги для будущих поколений. Член зондеркоманды, а поэтому тоже военный преступник, Шмюль акцентирует внимание не столько на ужасах выживания, сколько на своих внутренних ощущениях и необходимости сохранить память о произошедшем.

Свой монолог Шмюль начинает со сказки про короля и волшебное зеркало: «Это зеркало не показывало человеку его отражение. Оно показыва-

ло душу — показывало, кто он на самом деле. Чародей не мог взглянуть в него и не отвернуться. И король не мог. <...> Я нахожу, что концлагерь и есть такое зеркало. Такое же, но с одной разницей. От него не отвернешься» [Там же, с. 52]. Речь заключённого пронизана отчаянием и уверенностью в том, что мир соглашается с происходящим: «“Герой”, тот, конечно, совершил бы “побег” и обо всем “поведал миру”. Но у меня такое ощущение, что мир и сам все знает...» [Там же, с. 54]. Однако он твёрд в своём желании говорить о преступлениях.

Шмуль демонстрирует желание донести правду, а также нежелание других зондеркоммандо принимать её. Так, он рассказывает о сохранившихся свидетельствах казненного заключенного: «Чешский еврей из Брно, Йозеф ... записал свои показания, упрятал их в детскую галошку» [Там же, с. 110]. Откопав ее, узники сталкиваются с необходимостью читать записи не о вине немцев, о собственной: «А мальчик лет семи или восьми, — продолжал читать я, — встал и сказал так: “Почему вы, евреи, отводите таких милый детей в газовую камеру — только для того, чтобы жить?”» [Там же, с. 110]. Шмуль передаёт реакцию коллег: «— Хватит. Он врёт. — Лучше молчание, чем это. Хватит» [Там же, с. 111]. Однако сам герой-нарратор отказывается от молчания и повествует о своём участии в истреблении людей. В его монологах признания соседствуют с рассуждениями об этимологии слов («мученик»), фантастическими историями (сказка о короле) и свидетельствами об унижении узников и еврейской культуры: «Щебнем, использованным рабами для строительства ранзитного маршрута IV ... были дробленые остатки взорванных синагог» [Там же, с. 183]. Он изобличает уловки нацистов. Например, рассказывает про депортацию стариков и детей из лодзинского гетто: забрав людей, организаторы отвлекают внимание оставшихся, завозя голодающим картофель. Повествование еврея при этом фрагментарное, отрывистое и назидательное.

Речь Шмулека подвергается травматической деформации. Она представляет собой поток сознания, характеризуется фрагментарностью и ассоциативностью. Повторы, недоговорённости, сбивчивость, нарушение логики, телесные ощущения и флэшбеки — то, что организует его рассказ. Повествование становится свидетельством боли и распада личности. Читатель вовлекается в травматический опыт и принуждается следить за тем, как язык и возможность свидетельствовать в свою пользу становятся единственным способом выживания.

3.3. Объектная организация как фактор формирования рецептивной стратегии

Как было упомянуто выше, события романа происходят в концлагере, называемом *Зоной интересов*, и сосредоточены вокруг нескольких геро-

ев. В первую очередь, ими выступают сами нарраторы: Томсен, Долль и Шмуйль. Их личности раскрываются не только посредством самопрезентации, но и с позиции других героев.

Так, Томсен в свойственной ему манере описывает собственные внешность, характер, привычки, поведение. В частности, он подчёркивает свою физическую привлекательность: «Фламандский нос, надменная складка рта, соразмерный задиристый подбородок, прямые углы движущихся как на шарнирах челюстей, которые кажутся приклепанными под маленькими округлыми ушами. Плечи широкие и прямые, грудь как бетонная плита, тонкая талия...» [Там же, с. 18]. Томсен упоминает о своих многочисленных любовных похождениях, а также о том, что он «был романтиком, но изжил это свойство» [Там же, с. 26]. В свою очередь, Долль подчёркивает женоподобность героя и подозревает его в гомосексуализме: «Мне удалось собрать кое-какую дополнительную информацию о нашем сладеньком герре Томсене (несмотря на его репутацию, я все же думаю, что он “один из этих”» [Там же, с. 104].

Томсен подвергается влиянию других людей, солидаризируется с героями. В частности, он поддерживает взгляды и настроения своего друга Бориса, выполняет просьбы Ханны Долль, вовлекаясь в расследование истории её бывшего любовника Дитера Крюгера. Его настроения меняются созвучно социальной обстановке в Германии: расслабленный и довольный жизнью вначале, он критикует решения властей после поражения в Сталинграде. Но основные личностные изменения он претерпевает после заключения в лагере. После войны он трудится на благо жертв: «Моя внеурочная работа ... была связана с «возмещением ущерба», или со схемами репараций. <...> То было правосудие жертв» [Там же, с. 393]. Он также оставляет любовные похождения, останавливая свой выбор на Ханнне, которую разыскивает на протяжении нескольких лет.

Обратимся к следующему герою. Рассказывая о себе, Долль подчеркивает любовь к цифрам, порядку, свою мужественность и ответственность. Он считает свое управление в лагере совершенным, а привычку высокопарно выражаться — вдохновляющей: «Прошу простить, но я не понимаю значения слова “невозможно”, Прюфер. Его нет в лексиконе СС. Нам надлежит стоять выше объективных условий» [Там же, с. 89]. Томсен же отзывается о коменданте нелестно, называя его «старым пропойцей» и «пустым местом» [Там же, с. 126]. Своё мнение о Долле составляет и Шмуйль: «На мой взгляд, он по-прежнему совершенно безумен» [Там же, с. 269].

Несмотря на кажущуюся одномерность образа Долля, герой изредка демонстрирует проблески самосознания: «Здесь, в Кат-Зет, в крематориях: они мертвы. Но ведь и мы мертвы, мы — те, кто повинуются» [Там же,

с. 299]. Вспоминая об отношениях своей супруги с Крюгером, он вставал на ее сторону: «И каждый мог сказать, что дружище Крюгер ведет себя со своей девочкой-подопечной как свинья» [Там же, с. 243]. Примечательно, что Долль проявляет слабость в отношениях с супругой: он подчиняется ее воле и не отдаст ее под суд за нелестные слова в адрес властей Германии.

Хотя развитие героя не эксплицировано в повествовании, подобные упоминания наталкивают читателя на мысль о том, что Долль — продукт той системы, в которой существует. Неслучайно его речь становится подчеркнуто бюрократической, неестественной для человека, а об идеологах национал-социализма он говорит «лозунгами». Это также акцентирует идею о внушаемости героя и деформации его личности.

В свою очередь, проблематика образа Шмуля связана с родом его деятельности. Член зондеркоманды, вынужденный работать на палачей и отправлять на смерть своих сограждан, он теряет себя. История еврея, оказавшегося политическим заключенным и нежелательным элементом, излагается кратко в диалоге с Доллем: «— Нежелательным? Мелкий занудный школьный учитель вроде тебя? <...> — Я украл дрова, господин. Чтобы купить немного репы» [Там же, с. 171]. Томсен считает Шмуля заурядным лагерным служащим, спасающим себя: «Их стимулами будут полный желудок и ночной покой» [Там же, с. 126]. Похожее представление о еврее составляет Долль: «А что же о Шмуде, о зондерах? <...> Знаете, я никогда не переставал дивиться бездне нравственного убожества, в которую всегда готовы упасть некоторые человеческие существа... Зондеры, они исполняют свою страшную работу с наитупейшим равнодушием» [Там же, с. 97]. Тем не менее он выделяет Шмуля, говоря о том, что у него «рот убийцы»: «Твои губы. Они всегда напряжены и поджаты. <...> Ты намерен убить кого-то, не так ли, зондер? Хочешь убить меня?» [Там же, с. 172]. Примечательная деталь — глаза Шмуля, о которых упоминает Долль: «У него, почитай, и глаз-то нет, они умерли, упокоились, потухли» [Там же, с. 172].

Центральной историей еврея, которая привела к смерти его души, становится «День молчаливых мальчиков». Во время масштабного геноцида к зондеркоманде заставили присоединиться сотню подростков, которые, закончив убирать тела, были убиты сами. Шмудь сообщает: «Ты это мог слышать. Однако мальчики, всеми правдами и неправдами старавшиеся оказаться следующей жертвой, не издавали ни звука» [Там же, с. 272]. Эта история значима для заключенного по той причине, что среди молчаливых мальчиков были оба его сына: они попали в концлагерь из-за ошибки Шмуля, который ожидал найти хорошую работу в Германии и взял сыновей с собой.

Шмудь собственноручно убивает попавшего в концлагерь друга его сына, Витольда. Успокаивая подростка, он лишает его жизни быстро, убе-

регая от отравления Циклоном Б: «Прошло примерно двадцать секунд, и его не стало. Зато стало меньше того, с чем мне придется проститься» [Там же, с. 324]. Попытки успокоить соотечественников путём обмана перед казнью, обеспечение быстрой смерти ничего не подозревающему подростку становятся для Шмуля способом искупить вину перед своим народом.

Шмульт становится жертвой не только режима, но и коменданта. Долль шантажирует героя, обещая лишить жизни его супругу и самого Шмуля. Он требует от пленного убить Ханну, но вместо удара ножом Шмульт открывает женщине правду, из-за чего принимает смерть от Долля. Следовательно, претерпевая травматическую деформацию, Шмульт остаётся стойким и сохраняет жизнь невиновной немки, жертвуя своей. Это опровергает тезис о беспринципности членов зондеркоманды, желании спастись любой ценой.

Таким образом, характерологическую функцию выполняют не только описываемые детали внешности и характера персонажей, но и то, каким образом они отзываются о других. Так, видя в Шмульте убийцу и пытаясь склонить его к преступлению, Долль боится возмездия от угнетаемого им народа. Стремясь убедить себя и читателя в гомосексуализме Томсена, он опасается того, что у последнего может быть роман с Ханной. Проницательность Томсена дает сбой в отношении Шмуля: немецкий служащий слабо представляет себе мотивы угнетаемой стороны. Тем не менее свое повествование в последней части романа Томсен начинает с доклада о судьбе зондера: «Жизнь Шмультка Захариаса оборвалась в шесть сорок пять 30 апреля 1943 года — через час после моего ареста» [Там же, с. 365]. Упоминая о еврее, он признает значимость его существования и вписывает его в историю жертв. Кроме того, после пребывания в лагере он начинает обращать внимание не только на внешность, но и на внутренние качества женщин, а также работает юристом по вопросам репараций. Шмульт же, потерявший собственную личность, становится свидетелем: голосом всех заключенных, которые, к слову, лишены в романе Эмиса субъектности.

Помимо трех героев-нарраторов, объектами романа являются другие лица, в частности, женщины: Ильза Грезе, служанка Гумилия, вдова Алиса Зайссер, Ханна Долль, Герда Борман, Эстер Кубис. Остановимся на нескольких из них.

Один из примеров женщины в системе — Герда Борман, родившая 8 детей и объясняющая свой подход к материнству нуждами Германии. В лице Герды Томсен показывает невежественную и наивную женщину, которая стала жертвой идеологии: она умирает от рака матки, лишается жизни и ее младший ребенок. На смертном одре Герда остается верной своим предрассудкам. Обсуждая с Томсеном кражу его картин, она заяв-

ляет: «— Ну, сам понимаешь, стоит евреям унюхать что-нибудь вроде... Почему ты улыбаешься?». Затем героиня игнорирует слова племянника о том, что в краже виновны арийцы.

Стоит заметить, что женские персонажи становятся воплощением неповиновения выстроенному миру: от Норберты Уль, которая сомневается в оправданности антиеврейских мер, до Ханны Долль, откровенно хамящей своему мужу и провоцирующей его психическую нестабильность.

Ханна открыто в присутствии мужа желает поражения Германии, оскорбляет Гитлера и самого Долля: «Интересно, как этот жалкий мелкий ... покончит с собой? Полагаю, он уже разжился какой-нибудь гнусной пилюлей — припрятал на черный день. Тебе тоже одну дали?» [Там же, с. 355]. Она радуется тому, что Германия терпит поражение в войне: «Ты будешь мертвым, а я свободной» [Там же, с. 267]. Все это она делает с целью свести Долля с ума, чем и делится с Томсеном. Подозревающему в неверности жену Доллю Ханна открыто говорит о том, зачем она видится с его подчиненным, и вспоминает о своих отношениях с коммунистом Крюгером, убитым не без участия Долля.

Томсен признаёт силу Ханны: «Вы, вы всегда были жертвой вашего мужа, но никогда не были *жертвой*» [Там же, с. 400]. Он разыскивает ее спустя годы и стремится присутствовать в ее жизни. Однако Ханна, борясь со своей травмой, отказывает Доллю: она желает вычеркнуть из жизни все, что было связано с концлагерем.

Ещё одной фигурой сопротивления становится заключённая еврейка Эстер. Одним из актов ее неповиновения становится написание письма, которое ей надиктовывает Борис. Последний сообщает: «Вся та чушь о хорошей еде, чистоте и ваннах. Она не написала о них ни слова. <...> Она написала, что мы — свора лживых убийц! Да еще и уточнила. Орава вороватых крыс, ведьм и козлов» [Там же, с. 84]. Однако главным проявлением воли заключённой становится представление, которое она устраивает на сцене во время лагерной постановки «Коппелии»: «Эстер ковыляет по сцене: истинное чудо несоординированных движений ... похоже, каждая её конечность ненавидит все остальные. <...> Скрипки настаивают на чём-то, уговаривают её, однако она, замерев ненадолго, продолжает куражиться» [Там же, с. 230].

В последней части Томсен сообщает, что судьба Эстер ему неизвестна. Раскрывая финальный эпизод о пребывании Эстер в Блоке концлагеря, Томсен рассказывает о ее мечтательности и о шутиливой борьбе с помощницей Грезе Хедвиг. Тем самым он сохраняет надежду читателя на спасение заключенной, несмотря на то что в финале главы ее уводят надзирательницы, а само содержание монолога Томсена по большей части посвящено умершим: Шмулю, Борису, Доллю, Борману, Грезе и другим.

Итак, объектная организация романа предлагает целую галерею разных героев и особенности их моральной деформации. Автор изображает меняющихся персонажей, часть которых остается несломленной или адаптируется к жизни после концлагеря. Рецептивная стратегия состоит в приглашении читателя к рассуждению об условиях развития личностной деформации, а также о возможностях человека противостоять ей.

4. Заключение = Conclusions

Художественные решения романа «Зона интересов» создают условия для вступления читателя в сложную этическую игру. Повествование приглашает реципиента погрузиться в сознание антагонистов, одновременно сохраняя критическое дистанцирование. Чтобы добиться подобного эффекта, автор романа выстраивает рецептивную стратегию, в основе которой находится специфическая композиционная, субъектная и объектная организации.

Композиция романа подготавливает читателя к определенной точке зрения, делая восприятие более предсказуемым. Разделение нарративных инстанций вызывает острое этическое напряжение. Субъектная организация, через множественные голоса и речевое разнообразие, создает морально неоднозначную картину. Немногочисленные воспоминания жертвы при этом теряются в бюрократическом и ироническом дискурсе преступников. Эмоциональная пустота текста оказывается более мощным агрессором, чем монолог жертвы или нациста.

Объектная организация, в свою очередь, подчеркивает потерю субъектности жертв и вызывает у читателя этическое беспокойство. Жертвами выступают не только евреи: автор романа показывает, как легко размываются границы между угнетателем и угнетаемым (через введение в повествование члена зондеркоманды и Ханны Долль, изводящей коменданта концлагеря). Объектная структура делает акцент на дегуманизирующем аспекте нацизма и заставляет читателя реконструировать судьбы молчащих, а также задаваться вопросом о том, кого можно считать жертвой, а кого — преступником. Как следствие, рецептивная стратегия, выстроенная на разных уровнях организации текста, подталкивает читателя к размышлениям о личностной деформации и дегуманизации, а также о противостоянии им.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Эмис М. Зона интересов : Мартин Эмис / М. Эмис. — Москва : Фантом Пресс, 2016. — 416 с. — ISBN 978-5-86471-724-0.

Литература

1. *Богданова О. В.* Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX—XXI вв. : случай Л. Улицкой / О. В. Богданова, Н. В. Ковтун // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2014. — № 1. — С. 14—25.
2. *Жиронкина Е. С.* Рецептивная стратегия как элемент поэтики (на материале романа Дж. Литтелла «Благоволиительницы») : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.3 / Е. С. Жиронкина. — Казань, 2024. — 181 с.
3. *Корчинский А. В.* О прагматике нарратива. Поэтика и прагматика нарративных практик / А. В. Корчинский ; под общ. ред. В. И. Тюпы. — Екатеринбург : ИНТМЕДИА, 2019. — С. 7—13. — ISBN 978-5-6040560-4-2.
4. *Марданов А. А.* Разрушительный потенциал нарастающей энтропии в творчестве Мартина Эмиса / А. А. Марданов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2014. — № 10. — С. 22—26.
5. *Марданов А. А.* Изображение несостоятельности рациональных идеологических построений в романах М. Эмиса «Стрела времени» и «Зона интересов» / А. А. Марданов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. — 2016. — № 10. — С. 78—83.
6. *Тюпа В. И.* Этос нарративной интриги / В. И. Тюпа // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2015. — № 2. — С. 9—19.
7. *Хирш М.* Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш. — Москва : Новое издательство, 2021. — 428 с. — ISBN 978-5 98379-251-7.
8. *Шуников В. Л.* Коммуникативные стратегии «я»-нарратива (на материале произведений современной русской литературы) / В. Л. Шуников // Новый филологический вестник. — 2007. — № 1. — С. 34—42.
9. *Aarons V.* Third-Generation Holocaust Representation : Trauma, History, and Memory / V. Aarons, A. L. Berger. — Evanston, IL : Northwestern University Press, 2017. — 263 p. — ISBN 978-0810134096.
10. *Badrideen A.* The Banality of Good And Evil in The Zone of Interest / A. Badrideen // English : Journal of the English Association. — 2017. — Vol. 66. — Issue 255. — Pp. 311—327. — DOI: 10.1093/english/efx042/.
11. *Camus S.* “But will I write disgustingly?” The Shock of Transmission in Martin Amis’s The Zone of Interest / S. Camus // Études britanniques contemporaines. Revue de la Société d’études anglaises contemporaines. — 2024. — № 66. — Pp. 123—139. — DOI: 10.4000/11r4o.
12. *Duffy H.* The crisis of humanism, the Holocaust and “The Jewish Dog” as a de/re-humanising figure in French literature / H. Duffy // The Routledge Companion to Literatures and Crisis. — New York ; London : Routledge, 2024. — Pp. 244—255.
13. *Locher M. A.* The Pragmatics of Fiction : Literature, Stage and Screen Discourse / M. A. Locher, A. H. Jucker. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. — 290 p. — ISBN 978-1474447942.
14. *Mey J.* Pragmatic and Literature / J. Mey // Foundations of Pragmatics. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — Pp. 511—536.
15. *Seraf L.* Narrative perspective in two contemporary perpetrator novels : Jonathan Littell’s The Kindly Ones (2010) and Martin Amis’ The Zone of Interest / L. Seraf. — Spain : Universitat Autònoma de Barcelona, 2015. — 75 p.
16. *Siertsema V.* The Tension between Fact and Fiction in Holocaust Literature / V. Siertsema // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. — 2022. — № 8. — Pp. 83—99.

17. Thorsten W. Holocaust Narratives Trauma, Memory and Identity Across Generations / W. Thorsten. — New York ; London : Routledge, 2020. — 218 p. — ISBN 9780367540883.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 09.10.2025,
подготовлена к публикации 19.10.2025.

Material resources

Amis, M. (2016). *The zone of interest: Martin Amis*. Moscow: Phantom Press. 416 p. ISBN 978-5-86471-724-0. (In Russ.).

References

- Aarons, V., Berger, A. L. (2017). *Third-Generation Holocaust Representation: Trauma, History, and Memory*. Evanston, IL: Northwestern University Press. 263 p. ISBN 978-0810134096.
- Badrideen, A. (2017). The Banality of Good And Evil in The Zone of Interest. *English: Journal of the English Association*, 66 (255): 311—327. DOI: 10.1093/english/efx042/.
- Bogdanova, O. V., Kovtun, N. V. (2014). Communication strategies in the “middle literature” of the turn of the XX—XXI centuries: the case of L. Ulitskaya. *Bulletin of Saint Petersburg-St. Petersburg University. Language and literature*, 1: 14—25. (In Russ.).
- Camus, S. (2024). “But will I write disgustingly?” The Shock of Transmission in Martin Amis’s *The Zone of Interest*. *Études britanniques contemporaines. Revue de la Société d’études anglaises contemporaines*, 66: 123—139. DOI: 10.4000/11r4o.
- Duffy, H. (2024). The crisis of humanism, the Holocaust and “The Jewish Dog” as a de/re-humanising figure in French literature. In: *The Routledge Companion to Literatures and Crisis*. New York; London: Routledge. 244—255.
- Hirsch, M. (2021). *Generation of post-memory. Writing and visual culture after the Holocaust*. Moscow: New Publishing House. 428 p. ISBN 978-5 98379-251-7. (In Russ.).
- Korchinsky, A. V. (2019). *On the pragmatics of narrative. Poetics and pragmatics of narrative practices*. Yekaterinburg: INTMEDIA. 7—13. ISBN 978-5-6040560-4-2. (In Russ.).
- Locher, M. A., Jucker, A. H. (2021). *The Pragmatics of Fiction: Literature, Stage and Screen Discourse*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 290 p. ISBN 978-1474447942.
- Mardanov, A. A. (2014). The destructive potential of increasing entropy in the work of Martin Amis. *Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities*, 10: 22—26. (In Russ.).
- Mardanov, A. A. (2016). The image of the inconsistency of rational ideological constructions in the novels of M. Amis “Arrow of Time” and “Zone of interests”. *Bulletin of the Polotsk State University. Series A*, 10: 78—83. (In Russ.).
- Mey, J. (2011). Pragmatic and Literature. In: *Foundations of Pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter. 511—536.
- Seraf, L. (2015). *Narrative perspective in two contemporary perpetrator novels: Jonathan Littell’s The Kindly Ones (2010) and Martin Amis’ The Zone of Interest*. Spain: Universitat Autònoma de Barcelona. 75 p.
- Shunikov, V. L. (2007). Communicative strategies of the “I” narrative (based on the works of modern Russian literature). *New Philological Bulletin*, 1: 34—42. (In Russ.).

- Siertsema, V. (2022). The Tension between Fact and Fiction in Holocaust Literature. *Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society*, 8: 83—99.
- Thorsten, W. (2020). *Holocaust Narratives Trauma, Memory and Identity Across Generations*. New York; London: Routledge. 218 p. ISBN 9780367540883.
- Tyupa, V. I. (2015). The ethos of narrative intrigue. *Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 2: 9—19. (In Russ.).
- Zhironkina, E. S. (2024). *Receptive strategy as an element of poetics (based on the novel by J. Littell's "The Kindly Ones")*. PhD Diss. Kazan. 181 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 09.10.2025;
accepted for publication 19.10.2025.*